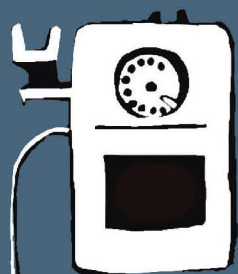

ГЛАГОЛЫ ЗВУКОВ ЖИВОТНЫХ: типология метафор

The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

National Research University
«Higher School of Economics»

VERBS OF ANIMAL SOUNDS:
typology
of metaphorical extensions

Languages of Slavic Culture

Moscow

2015

Институт языкознания Российской академии наук
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

ГЛАГОЛЫ ЗВУКОВ ЖИВОТНЫХ: типология метафор

Языки славянской культуры
Москва
2015

УДК 80/81
ББК -3*81.2
Г 52

Данное научное исследование было выполнено при поддержке Программы
«Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014 г. (№ 14-05-0060)

Печатается по решению Ученого совета ФГБУН Института языкознания РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук Д. О. Добровольский
кандидат филологических наук Т. А. Майсак

Составитель:

Е. В. Рахилина

Под редакцией

Т. И. Резниковой, А. С. Выренковой, Б. В. Орехова, Д. А. Рыжовой

Г 52 Глаголы звуков животных: типология метафор / Ред. Т. И. Резникова, А. С. Выренкова, Б. В. Орехов, Д. А. Рыжова. Сост. Е. В. Рахилина. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 400 с.

ISBN 978-5-94457-254-7

Монография посвящена глагольным системам звуков животных и свойственным им метафорическим сдвигам в зону человека, природных объектов и артефактов (*пациент взвыл от боли, ветер выл в трубах, где-то воет пожарная сирена*). Исследование проведено на материале более чем 20 языков разной структуры — в основном они описаны в отдельных главах; подробно примеры отражены в специально созданной базе данных. Вводная и заключительная главы книги суммируют полученные выводы, значимые не только для семантики конкретных глаголов, но и для теории и типологии метафоры в целом. Книга адресована специалистам по семантике, типологии и всем, кто интересуется лингвистикой.

УДК 80/81
ББК -3*81.2

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-94457-254-7

© Коллектив авторов, 2015
© Надя Плунгян, обложка, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

Оглавление

Введение

1. *Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, Б. В. Орехов*
И хрюкотали зельюки:
предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике9

Индоевропейские языки

2. *А. С. Выренкова*
Звуки животных в английском языке.....37
3. *Т. И. Резникова*
О кукарекающем ребенке и мурлычущем холодильнике:
глаголы со значением звуков животных
и их семантические переносы в немецком языке.....54
4. *Е. С. Лучина, С. М. Баранова*
Глаголы звуков животных в идише.....88
5. *Е. А. Кузьменко*
Метафоры звуков животных в норвежском языке.....97
6. *Г. Обери, Е. А. Парина*
Глаголы, обозначающие звуки животных в валлийском языке.....107
7. *Е. А. Кузьменко*
Глаголы звуков животных в греческом языке120
8. *А. О. Максимова*
Армянские глаголы звуков животных.....131
9. *Е. В. Бессонова, Д. А. Рыжова*
Звуки животных в хинди.....144

Финно-угорские языки

10. *Е. В. Кашкин*
Глаголы звуков животных в мордовских языках163
11. *А. Никулласси, Е. Протасова*
Финские глаголы, описывающие издаваемые животными звуки178

Тюркские и монгольские языки

12. *Э. Г. Мустакимова, Б. В. Орехов*
Глаголы звуков животных в башкирском и татарском языках 199
13. *А. Э. Комарова*
Звуки животных в калмыцком языке 218

Языки Северного Кавказа

14. *М. В. Кюсева, Д. А. Рыжова*
Глаголы звуков животных в бжедугском диалекте адыгейского языка 235
15. *С. Р. Мерданова, Т. И. Резникова*
Звуки животных и их переинтерпретация в агульском языке 247

Языки Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии

16. *А. С. Панина*
Выражение звуков животных в японском языке 263
17. *Е. Л. Рудницкая, С. Хван*
Общая характеристика лексического поля звуков животных
в корейском языке 282
18. *Л. С. Холкина*
Особенности лексической системы звуков животных
в современном китайском языке 297
19. *Э. Г. Мустакимова*
Глаголы звуков животных в индонезийском языке 310

Заключение

20. *М. В. Кюсева, Е. В. Рахилина, Д. А. Рыжова*
Глаголы звучания как материал к теории семантических моделей 327

Приложение

21. *И. Кор Шаин, М. В. Кюсева*
Некоторые замечания о глаголах звуков животных в славянских языках 349
22. *Е. В. Кашкин, Т. И. Резникова, Е. К. Павлова, Е. С. Лучина*
От трелей соловья — к шелесту, скрипу и грохотанию 362
- Список литературы 381
- Сведения об авторах 389
- Указатель животных 391

Глава 1. *И хрюкотали зелюки:* предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

1. История книги

Эта книга имеет свою историю. В настоящем виде она является результатом коллективной годовой работы Научно-учебной группы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в составе четырех преподавателей направления Фундаментальной и прикладной лингвистики Факультета гуманитарных наук: Т. И. Резниковой (руководитель группы), А. С. Выренковой, Б. В. Орехова и Е. В. Рахилиной, двух студентов магистратуры, а затем аспирантов М. Кюсевой и Д. Рыжовой и трех студентов третьего курса Е. Кузьменко, А. Максимовой и Э. Мустакимовой. Однако лингвистическая проблема, которую решал этот проект, — изучение глаголов, описывающих звуки животных — была сформулирована гораздо раньше и обсуждалась в самых разных вариантах (см. Рахилина 2010) и самых разных аудиториях. Сначала — на летней лингвистической школе в Дубне, которая проводится ежегодно для старших школьников, потом на студенческом спецкурсе по лексической типологии Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ и научно-исследовательском семинаре НИУ ВШЭ, а также на воркшопе по лексической типологии в Стокгольме, где собрались участники большого международного проекта по описанию типологии температурных признаков. Всем участникам этих обсуждений мы очень благодарны за плодотворные дискуссии: оказалось, что поставленная задача интересна не только школьникам, но и профессиональным лингвистам. Поэтому осенью 2011 года совместно с французскими коллегами в университете Экс-ан-Прованса была организована международная конференция, которая рассматривала эту проблематику комплексно — и сквозь призму литературы и фольклора, и в отношении истории языка, но — среди прочего — и в лексико-типологическом освещении¹. По результатам той конференции в скором времени должен выйти сборник трудов университета Экс-ан-Прованс, где также с разных точек зрения будет обсуждаться языковая, исторический и социокультурный материал нескольких языков.

Между тем, осталась нерешенной задача создания единой и представительной базы данных, которая бы давала ответ на вопрос о возможности типологии глаголов,

¹ Сотрудничество с французской стороной было позже продолжено в рамках двусторонних отношений университета Ниццы Антиполис и НИУ ВШЭ.

обозначающих звуки животных: какого рода животные отражаются в звуковых глаголах и воспроизводятся ли семантические переходы от звуков животных к человеческому поведению (а также к звукам неодушевленных объектов) в языках мира. Речь идет о степени системности сдвигов значения типа ‘реветь’ (о льве или медведе) → ‘плакать’ (о ребенке); ‘ржать’ (о лошади) → ‘смеяться’, ‘выть’ (о волке или собаке) → ‘издавать звук’ (о сирене) и др. Тогда мы задумали описание этой семантической зоны по единому принципу, и настоящая (уже сугубо лингвистическая) коллективная монография воплощает эту идею более чем для 20 языков.

2. О звуках животных: некоторые особенности данного исследования

Надо сказать, что звукоизобразительной лексикой, особенно лексикой, передающей звуки животных, занимались многие. На сегодняшний день можно найти десятки и даже сотни сайтов, которые предлагают «перевод» идеофонов, соответствующих разным животным и птицам, с языка на язык (ср., напр., <http://www.eleceng.adelaide.edu.au/Personal/dabbott/animal.html>, <http://www.boredpanda.com/animal-sounds-different-languages-james-charman/>); эта тематика хорошо известна и чрезвычайно популярна в разного рода академических исследованиях, вплоть до диссертационных (Воронин 1982, Вельди 1988, Шляхова 2003, Петухова 2007, Вашквичус 2011 и мн. др.). Заметим, однако, что речь в них идет именно о звуковой составляющей, т. е. о том, как «голоса» животных (мычание, кукареканье, рычание и проч.) воспроизводятся лингвистическими средствами, превращаясь в идеофоны (ср. русск. *му-у*, *кукареку* и др.). Традиция состоит в описании моделей звукоизображения, принятых в разных естественных языках — в первую очередь с фонетической точки зрения.

Наш проект совершенно другого рода: он посвящен не звукоизобразительным словам, а предикатам, и изучаем мы прежде всего их значение, а не форму. Подобные предикаты иногда производны от идеофонов, но их внутренняя форма занимать нас не будет. Основой для сравнения структуры изучаемого поля в разных языках — или, иначе говоря, для построения его лексической типологии — будет семантика.

Существенно и то, что исследуемые нами глаголы могут быть не связаны со звукоподражанием напрямую. Ср., с одной стороны, русские *р-р-р*, *ш-ш-ш* или *му-у-у* и соответствующие им глаголы *рычать*, *шипеть* и *мычать*, с другой — совсем не коррелирующие фонетически *гав-гав* и *лаять* или *иго-го* и *ржать* и, наконец, глаголы, которые, как кажется, не имеют никакого звукоизобразительного аналога, как *щебетать* или *реветь*. Этот лексический материал, как правило, менее интересен с фонетической точки зрения: акустически он дальше от того звукового сигнала, который непосредственно воспринимается человеком. С этой точки зрения он меньше поражает воображение и меньше притягивает к себе внимание исследователей, потому что здесь едва ли можно ожидать внешнего межъязыкового сходства: глаголы в разных языках, собственно, и должны быть разными.

Тем не менее, их можно сравнивать, и у нас есть опыт такого рода работы — это проекты по лексической типологии, которые ведутся Московской лексико-типологической

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

группой (MLexT) с начала 2000-х гг. (подробнее о них см. на сайте lextur.org, см. также в обзорных статьях Рахилина, Плуноян 2007, Кортъевскаја-Тамм 2008, Рахилина, Резникова 2013). Особенностью предлагаемого нами подхода к типологическому исследованию лексики является анализ языкового контекста. Этим он отличается от двух других известных направлений в лексической типологии — экспериментального, представленного прежде всего в работах психолингвистической группы института им. Макса Планка в Неймегене, и подхода Анны Вежбицкой и Клиффа Годдарда, опирающегося на универсальный естественный семантический метаязык NSM (Natural Semantic Metalanguage). Для получения языковых данных мы используем анкеты, для создания которых мы привлекаем не зрительные, звуковые или иные стимулы, как это делают психолингвисты, и не общие толкования, как сторонники NSM, а словари и корпуса. На основе корпусного исследования сочетаемости интересующей нас лексики, с учетом статистики употреблений тех или иных лексических комбинаций, мы выделяем множество типичных для данного поля ситуаций, а затем изучаем и сопоставляем способы их вербализации в различных языках.

3. Глаголы звука в контексте других типологических проектов MLexT

Итак, в наших проектах сравнение лексики опирается на прототипические ситуации, релевантные для многих языков. Мы называем их *фреймами*, но — в отличие от традиционного представления о фреймах как своего рода «пустых» пропозициональных формах — имеем в виду при этом еще и типичные способы заполнения важнейших переменных такой формы представителями определенных семантических классов объектов (подробнее о теории фреймов в применении к лексической типологии см. Рахилина, Резникова 2013). Заданный фрейм может выражаться в том или ином языке отдельной лексемой или же лексически совмещаться с другими, при этом в разных языках способы комбинации фреймов различаются. Задача типологического описания при этом подходе состоит в том, чтобы понять, чем мотивированы те или иные лексические комбинации и противопоставления, какие стратегии объединения вообще возможны, какие — часто встречаются в естественных языках, а какие, наоборот, маловероятны.

Такое исследование предполагает анализ большого объема языковых данных и тем самым достаточно трудоемко. Тем не менее, усилиями MLexT несколько семантических зон уже имеют свое типологическое описание, пусть и на небольших, по меркам грамматистов, выборках языков, а именно: зона плавания (см. Майсак, Рахилина (ред. 2007), качания (Рахилина, Прокофьева 2005, Шапиро 2015), вращения (Круглякова 2010), а также несколько десятков качественных признаков, таких как ‘острый’ и ‘тупой’ (Кюсева 2012), ‘полный’ и ‘пустой’ (Тагабилева 2011), ‘мягкий’ — ‘жесткий’ — ‘твердый’ (Павлова 2014), ‘ровный’ — ‘гладкий’ — ‘грубый’ — ‘шершавый’ (Кашкин 2013, Виноградова 2013) и др.

Анализ этих зон показал, что для одноместных предикатов, к которым, в частности, относятся глаголы движения и признаковая лексика, лексические противопоставления определяются прежде всего типом субъекта. Так, в зоне плавания разными лексемами

могут описываться активные субъекты (прежде всего люди), суда, пассивные субъекты, движущиеся по течению (как, например, сплавляемый вниз по реке лес), и малоподвижные субъекты, находящиеся на поверхности (щепки, лист дерева, попавшая в воду шляпа и проч.); подробнее см. Майсак, Рахилина 2007: 30 и след. Показательна в этом отношении система английского языка, которую можно (несколько упрощенно) представить как отражающую все эти противопоставления с помощью четырех глаголов: *swim, sail, drift* и *float*.

Для зоны качания важны топологические свойства субъекта, т. е. его прототипическая форма и ориентация в пространстве: закреплен ли субъект снизу, как дерево или забор, либо подвешен, как маятник или детская колыбель; представляет ли он собой мягкую, лабильную, не имеющую своей формы, или жесткую вертикальную поверхность, ср. занавеска, пламя свечи или стенка. Существен для зоны качания и функциональный потенциал субъекта: является ли качание нарушением обычного для субъекта фиксированного положения в пространстве и свидетельством потери функциональности (ср. шатающийся зуб или качающийся стул) или это предмет, который предназначен для колебательного движения (ср. кресло-качалка).

Некоторые из этих противопоставлений отражаются в русской системе глаголов качания, где сосуществуют и конкурируют такие глаголы, как *качаться* (общий глагол качания, плохо применим к мягким поверхностям разного рода), *шататься* (об объектах с нарушенной функциональностью, закрепленных снизу), *колыхаться* (о мягких поверхностях) и др.

В зоне вращения релевантны другие типичные ситуации, или фреймы: так, однонаправленное вращение вокруг своей оси, регулярное и механическое, как вращение планет (ср. русск. *вращаться*), может лексикализироваться иначе, чем быстрое (ср. *крутиться*), и иначе, чем плохо контролируемые повороты в разные стороны (*вертеться на стуле*). Отдельными лексемами часто выражается движение вокруг внешней оси — например, над ориентиром (*орел кружит*) или поступательное движение, совмещенное с вращением (ср. *листья кружатся в воздухе*).

Все обсуждавшиеся до сих пор примеры касаются противопоставлений, которые затрагивают лексемы в их прямых значениях. Но обычно в рамках проектов MLexT объектом изучения становятся не только прямые, но и переносные употребления слов. Задача здесь состоит в том, чтобы понять, в каких других семантических полях могут фигурировать лексемы рассматриваемой зоны и как они при этом меняют свой смысл. Для исследуемой нами лексики такая постановка задачи совершенно естественна. Действительно, мы выбираем для анализа слова, описывающие общезначимый для носителей разных культур и языков физический мир, поскольку такой выбор обеспечивает базу для широкого типологического сопоставления. Между тем, хорошо известно, что частотная лексика, характеризующая физический мир (движение, пространственные характеристики, физические качества и свойства и под.), используется языками как средство лексико-семантического описания абстрактных, невидимых и не воспринимаемых через другие перцептивные каналы (т. е. на слух, вкус, запах или тактильно) понятий и категорий. К ним относятся, например, эмоции, время, оценка, интенсификация и др., и наш материал, изобилующий примерами переносов в эти абстрактные зоны, лишний раз подтверждает известную закономерность.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

Однако вопрос о том, есть ли система в этих переносах и в какой степени можно признавать их типологическую релевантность, в лингвистике до сих пор не решен, потому что для его решения еще не накоплено и не обработано достаточного количества языкового материала. Наши частные наблюдения направлены на то, чтобы сформулировать гипотезу — пока они показывают, что семантические сдвиги действительно до определенной степени воспроизводятся в разных языках и, главное, управляются общими когнитивными лингвистическими механизмами.

Особый интерес в этом отношении представляют семантические зоны, которые практически целиком заполняются за счет лексических заимствований из других полей, путем метафоризации исходных лексем. Это зоны достаточно абстрактной семантики, и хотя большинство проектов MLexT ориентировано на конкретную лексику, тем не менее у нас есть опыт описания и такой высокометафоричной — но вместе с тем тоже универсальной для разных культур — области. Речь идет об исследовании предикатов боли (см. подробнее Брицын и др. (ред.) 2009). Как правило, собственно болевых предикатов в языках единицы — от одного (ср. русское *болеть*) до трех-четырех (ср. англ. *to hurt, to ache, to pain*). Эти предикаты имеют самую общую семантику и не обеспечивают противопоставлений, необходимых для структурирования поля. Они не описывают ни причину боли, ни ее интенсивность, ни характер (пульсирующая боль, длительная или резкая, сильная или слабая и под.), ни область человеческого тела, которая затронута болью. Все эти смыслы лексикализуются с помощью глаголов, для которых семантика боли является производной. Примечательно, что разные языки заимствуют такие вторичные болевые предикаты из одних и тех же зон: это глаголы разрушения (ср. русск. *колет, режет*), движения и каузации движения (*крутит*), горения (*жжет, горит*) и, кстати, звука (*гудит, звенит*). В метафорическом значении каждый из этих предикатов описывает частный тип болевой ситуации, определенный в отношении сразу нескольких признаков — части тела, затронутой болью, причины этой боли и ее характера. Так, например, русское *стреляет* описывает преимущественно боль в ухе, пульсирующую, средней степени интенсивности; в случае *ныть* это длительная боль, как в суставах при ревматизме или в ногах от долгой ходьбы; для *щипать* — особого рода неприятные ощущения на поверхности кожи или слизистой.

При переходе в другую семантическую область предикаты меняют не только семантику, но и морфологию и синтаксис, уподобляя свои свойства новым квазисинонимам (ср.: исходная агентивная переходная конструкция *резать*, как у глагола разрушения, ср. *он резал хлеб перочинным ножом* VS. результирующая болевая безличная и безобъектная конструкция *у него режет где-то в правом боку* — по аналогии с *у него болит где-то в правом боку*). Этот процесс в типологической перспективе подробно описан нами в Рахилина и др. 2010а, а также в Reznikova et al. 2012. Он очень интересен с теоретической точки зрения, наглядно демонстрируя единство и слаженное взаимодействие разных уровней языка, а также их безусловную мотивированность лексическим значением: именно мена лексической семантики обуславливает грамматическую перестройку слова.

В целом, поле глаголов звучания похоже на поле боли: лингвистически оно тоже привлекательно именно своими семантическими переходами. Различие в том, что боль представляет собой так называемую реципиентную зону, т. е. зону результата метафоры,

тогда как поле глаголов звука, и в частности звуков животных, является активным донором — в том числе, как мы только что видели, и для болевых значений, но и для многих других, связанных, в первую очередь, с поведением человека. Действительно, человеческое поведение выходит за рамки физических ситуаций, в том смысле, что является результатом интерпретации — и поэтому оказывается благодатной зоной для сравнения и отождествления, в частности, со звуковым поведением животных.

В этой книге для каждого языка нашей выборки мы рассматриваем глаголы, обозначающие звуки животных, и выявляем возможности их переинтерпретации для описания человеческого поведения. Общая задача состоит в том, чтобы сформулировать предварительные гипотезы для построения типологии семантических переходов между этими зонами. Отметим, что кроме ситуаций, связанных с человеком, переносные употребления данных глаголов могут относиться еще и к «звуковому поведению» артефактов и природных объектов. Случаи такого рода мы тоже будем иногда обсуждать.

Всего в монографии собраны подробные данные более чем по 20 языкам — все они подверглись тщательному анализу, включающему, среди прочего, обязательную проверку предварительных корпусных (в случае их доступности) и/или словарных материалов с помощью опросов носителей языка: это индоевропейские языки (английский, немецкий, норвежский, идиш, валлийский, греческий, армянский, хинди, бенгали), тюркские (башкирский, татарский), монгольский (калмыцкий), финно-угорские (эзьянский, мокшанский, финский), языки Северного Кавказа (адыгейский, агульский), Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (японский, китайский, корейский, индонезийский). В книге также имеется небольшая глава, содержащая заметки о сопоставительной этимологии славянских звуковых глаголов. Рассматриваются представители каждой ветви: сербский (южнославянский), польский (западнославянский) и русский (восточнославянский). Синхронное исследование русского материала в типологическом аспекте (Рахилина 2010) легло в основу этой монографии, но его результаты здесь отдельно не описываются. Принцип отбора языков, конечно, состоял в том, чтобы материал получился как можно более разнообразным. Тем не менее, как и в других наших работах, мы не исключали родственных языков, считая, что для лексической типологии ограничения на генетическую близость не так существенны, как, например, для типологии фонетической (подробнее об этом см. Рахилина, Резникова 2013: 8, а также Главу 12 настоящей монографии). В основном (как видно из оглавления) языковой материал был собран участниками Научно-учебной группы, однако нам удалось привлечь к нашей работе и нескольких экспертов по крупным языкам мира — прежде всего, китайскому (Л. С. Холкину, РГГУ и РАНХиГС), корейскому (Е. Л. Рудницкую, ИВ РАН), японскому (А. С. Панину, ИВ РАН), хинди (Е. В. Бессонову, Институт стран Азии и Африки, МГУ им. М. В. Ломоносова), а также финскому (А. Никунласси, Е. Протасову, университет Хельсинки), но кроме того, и некоторым более редким — идишу (Е. С. Лучину, НИУ ВШЭ), валлийскому (Е. А. Парину, ИЯ РАН), мордовским (Е. В. Кашкина, ИРЯ РАН), калмыцкому (А. Э. Комарову, РГГУ) и агульскому (С. Р. Мерданову, ИЯ РАН). Без их неоценимой помощи в столь короткий срок, заданный проектом, обработать сложные и объемные данные этих языков мы, безусловно, не смогли бы.

предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике

В последующих разделах Введения мы обсудим некоторые типологические наблюдения, которые основаны на всей совокупности исследованных данных, а затем — в основной части книги — будут представлены подробные описания конкретных языковых систем.

В силу лингвистических особенностей глаголов, обозначающих звуки животных, — а именно, регулярности их метафоризации — типология этой зоны должна учитывать, во-первых, лексическое устройство собственно зоны-источника, во-вторых, семантику переносных употреблений. Начнем с прямых значений, и в разделе 4 обсудим факторы, которые, по нашему мнению, существенны для типологии языковых систем:

- возможные классификации субъектов-животных, с учетом их нестандартных объединений;
- антропоцентричность системы;
- степень доминантности системы.

4. К типологии исходных значений

4.1. Типы субъектов-животных

Как мы помним, структуру поля, которая описывается одноместными предикатами, определяют релевантные для них классы субъектов. В нашем случае набор субъектов ограничен и достаточно однороден: это животные, насекомые и птицы. Представительный список их разных видов (всего свыше 80) послужил входом в анкету, которая использовалась для сбора материала по разным языкам.

Естественно, что языки не обозначают звук каждого из этих 80 живых существ отдельным глаголом. Во-первых, многие животные «соединяются» в одном звуковом глаголе с другими. Во-вторых, звуки некоторых животных вообще не лексикализуются. И хотя частные стратегии объединения и лексикализации варьируются от языка к языку, тем не менее за ними стоят общие и хорошо объяснимые закономерности.

Так, совмещение животных в одном глаголе может обуславливаться двумя причинами: акустическим сходством издаваемых звуков и / или сходством самих животных. Звуковой близостью объясняется объединение утки и лягушки, наблюдаемое во многих языках (татарском, адыгейском, индонезийском и др.), ср. также общий глагол для вороны и лягушки в валлийском (заметим, что и в русском, где звуки утки, вороны и лягушки лексически противопоставляются, соответствующие глаголы — *крякать*, *каркать* и *квакать* — тоже фонетически похожи). Другой пример такого рода — отождествление звуков змеи и агрессивных реакций некоторых крупных птиц (лебедей, гусей), ср. русск. *шипеть*, а также общие глаголы для змей и птиц в сербском (*сиктати*), немецком (*zischen*), татарском (*ысылдау*) и др. Более экзотический пример объединения представлен в калмыцком, где одним глаголом (*мәәлх*) описывается бляенье козы или овцы и мяуканье кошки.

Биологическое сходство субъектов (а не только акустическая близость звука) определяет совмещения таких животных, как лев и тигр (ср. русск. *рычать*, греческ.

Глава 2. Звуки животных в английском языке¹

1. Введение

Несмотря на свою относительную морфологическую бедность, английский язык очень богат лексически. Особенный интерес при изучении его лексического состава, безусловно, представляют разнообразные и активно функционирующие механизмы семантической деривации. Настоящая глава — это попытка описать и систематизировать английские слова со значением звуков животных, а также проанализировать способы образования производных значений, характерные для этого семантического поля.

Лексические единицы разделены на группы по типам животных, для каждой лексемы рассматриваются прямые значения и образованные от них производные.

В исследовании анализируются данные литературной нормы британского и американского английского и некоторые частотные разговорные употребления. Основным материалом послужили корпусные данные (BNC, COCA), также использовались результаты поиска в Google Books и английские толковые словари (The Oxford English Dictionary, The Merriam Webster Dictionary).

2. Домашние животные

2.1. Собаки

В английском, как и во многих других языках, наиболее «богатыми» в звуковом отношении являются животные, приближенные к человеку, — это прежде всего собаки и кошки. С ними человек общается как с себе подобными и поэтому наделяет их достаточно широким спектром эмоций, многие из которых находят свое выражение в глаголах звука.

Для описания звуков, свойственных собакам, выделяется одна основная лексема, которая обозначает собачий лай, и несколько слов, относящихся к более специфичным ситуациям. Весь список таких ситуаций можно разделить на два типа: для первого релевантным показателем при выборе нужного слова является размер животного (тявканье мелких собак и лай крупных), для второго — его внутреннее состояние (рычание,

¹ Автор выражает глубокую благодарность студентам второго курса направления «Фундаментальная и прикладная лингвистика» (2013 год), помогавшим собирать материал для настоящего исследования.

скуление и вой). В отличие от случаев первого типа, которые покрываются как специальной, так и общей лексемами, ситуации второго типа могут быть названы только специальным словом, причем многие из этих слов обозначают поведение не только собак, но и крупных хищных животных. Соответственно, здесь мы ограничимся глаголами, описывающими лай собак разных размеров, а также скуление, тогда как рычание и вой будут представлены ниже — в разделе, посвященном хищникам (см. 3.1).

Сначала речь пойдет о прямых и переносных значениях основной лексемы и ее звукоподражательного эквивалента, а позже мы обратимся к словам с более узкой семантикой.

Глагол *to bark* ‘лаять’ обозначает лай любой собаки и является наиболее частотной лексемой, описывающей этот звук:

- (1) *A dog may bark for a number of reasons: to induce play, discipline young, warn of danger, threaten intruders, or it may bark because it's curious.*²

‘Собака может **лаять** по нескольким причинам: затевая игру, воспитывая потомство, предупреждая об опасности, угрожая незванным гостям или же просто из любопытства’.

Помимо собак, *to bark* употребляется по отношению к лисам, морским котикам и некоторым другим животным. Этот глагол имеет звукоподражательный эквивалент *to woof*, закрепленный, однако, только за звуком, который издают собаки:

- (2) *She crossed the bridge, but the dog woofed and she stayed back.*

‘Она пересекла мост, но собака **гавкнула**, и она остановилась’.

В прямом значении при глаголах *to bark* и *to woof* может стоять дополнение с предлогом *at*, выражающее адресата. Кроме того, они могут употребляться в сочетании с пространственным предлогом *around* в конструкциях типа *bark around the house* (букв. «лаять вокруг дома»).

И основной глагол, и звукоподражательный дают метафорические переносы, причем интересно, что эти переносы разные.

Лексема *to bark* образует два производных значения в зону характеристик человеческого поведения и одно — в зону звуков артефактов. В первом «человеческом» значении, которое можно сформулировать как ‘говорить резким голосом / выкрикивать приказания’, *to bark* попадает в класс глаголов речи, ср. (3) и (4). Из примеров видно, что в подобных употреблениях *to bark* требует выраженного дополнения, заполняющего либо валентность адресата (вводимого предлогом *at*), либо валентность содержания³:

- (3) *The coxswain was barking at the crew. (bark + at + Obj)*

‘Штурман **кричал** (букв. «лаял») на команду’.

- (4) *He barked orders into the telephone for coffee and food. (bark + D.Obj)*

‘Он **выкрикивал** (букв. «лаял») в телефонную трубку распоряжения относительно еды и кофе’.

² Примеры найдены с помощью Google Books.

³ Могут быть выражены и обе валентности, ср. *he barked orders at his subordinates* ‘он прокричал указания своим подчиненным’.

Во втором переносном значении (тоже связанном с человеком) *to bark* обозначает сильный детский кашель, ср. (5), а в третьем («неодушевленном») — короткий, резкий и громкий звук, производимый артефактом (6):

- (5) *When your child wakes up **barking**, bundle him up and go outside.*
 ‘Когда ваш малыш просыпается, сильно **кашляя** (букв. «лая»), укутайте его и идите на улицу’.
- (6) *The big guns **barked**.*
 ‘**Грянули** (букв. «пролаяли») большие ружья’.

Глагол *to woof* употребляется в переносном значении в разговорной речи (особенно он характерен для американского английского) и обозначает ‘говорить впустую / говорить неправду’:

- (7) *Quit **woofing**! You sound silly.*
 ‘Кончай **врать** (букв. «лаять»)! Ты выглядишь глупо’.

Очевидно, что основа для образования производных значений у глаголов *to bark* и *to woof* разная. В первом случае перенос вызван непосредственным звуковым сходством: резкая грубая речь, кашель и громкий хлопок действительно напоминают лай. Во втором случае источник метафоры — поведение животного, то есть беспричинный лай собаки, раздражающий хозяина. Подобное явление зафиксировано также в русском (ср. *брехать*) и болгарском языках, см. Рахилина 2010, Rakhilina 2010, а также Главу 20 настоящей монографии.

Расхождение в метафорах между лексемами *to woof* и *to bark* вполне объяснимо. Вспомним, что в своих прямых значениях эти глаголы имеют разный экстенционал. Как мы уже сказали, *to woof* может употребляться только по отношению к собакам, тогда как *to bark* обозначает звук, издаваемый и другими животными. Таким образом, семантика первого глагола ориентирована на конкретное животное как источник звука, а второго — на акустические характеристики звука — его резкость и громкость.

Помимо глаголов, описывающих лай любых собак, в английском языке существует и ряд слов с более узким значением.

Так, для громкого лая крупной собаки используется лексема *to bay* ‘лаять громко и гулко’. Этот глагол развивает только одно переносное значение: ‘говорить громким голосом / кричать’:

- (8) *He **bayed out** desperate calls for help. (bay + out + Obj)*
 ‘Он отчаянно **звал** на помощь (букв. «лаял отчаянные крики о помощи)’.

Тявканье маленьких собак и щенков передается двумя лексемами — *to yap* и *to yip* ‘тявкать’, ср. (9):

- (9) *We could hear the puppy **yipping** playfully in its kennel.*
 ‘Было слышно, как в конуре игриво **тявкал** щенок’.

Можно было бы предположить, что при явном фонетическом сходстве эти глаголы являются взаимозаменяемыми, однако это не так. Даже в прямом значении первый

из них чаще обозначает долгий, бесцельный, раздражающий лай, в то время как второй лишен негативной коннотации и обозначает тихий звук, который животное издает по какой-то причине — в игре (слабое тьяканье), во сне или от боли (тихое поскуливание). Различие между *to yap* и *to yip* проявляется и в метафорических переносах. Для глагола *yap* характерно употребление в значении ‘пустая болтовня’ (часто в отношении женщин, ср. русск. *трещать*) или ‘говорить впустую’, где он сохраняет свою исходную отрицательную оценку. *Yip* в переносном значении обозначает, скорее, ‘жаловаться’ или ‘ныть’:

(10) *She seems to spend all her time **yapping** on the phone.*

‘Она все время **трещит** (букв. «тявкает») по телефону’.

(11) *My wife **was yipping at** me again last night about getting a new kitchen.*

(*yip + at + Obj*)

‘Моя жена опять вчера вечером **ныла и просила** (букв. «тявкала про») новую кухню’.

Последняя лексема, относящаяся к собакам, которую мы рассмотрим в этом разделе, — это глагол *to yelp* ‘громко скулить’. *Yelp* обозначает громкое скуление или визгивание, чаще всего от боли:

(12) *The dog **yelped** in pain.*

‘Собака **заскулила** от боли’.

Любопытно, что тем же глаголом передается и индюшачий крик:

(13) *Far up the ridge a wild turkey **yelped**.*

‘Вдалеке на пригорке **закричала** индейка’.

Применительно к людям *to yelp* употребляется в значении ‘вскрикнуть’ (например, от удивления):

(14) *John **yelped** with surprise when everything fell off the closet shelf and onto his head.*

‘Джон **вскрикнул** от неожиданности, когда все содержимое полки свалилось ему на голову’.

Как видно из примеров, метафоры, восходящие к лаю собак, могут иметь под собой два основания — это, во-первых, акустическое сходство между звуком животного и звуком, возникающим в ситуации-мишени, и, во-вторых, собственно поведение собаки, которое во всех зафиксированных нами случаях воспринимается человеком как негативное.

2.2. Кошки

Звуки, характерные для кошек, представлены в английском языке более скудно. Лексически различаются следующие ситуации: кошачье мяуканье, мурлыканье / урчание довольной кошки, громкий кошачий крик.

Глагол с общим значением ‘мяукать’ *to mew* имеет достаточно широкую сферу употребления⁴. Так, например, в отличие от лексемы *to bark*, которую можно использовать только по отношению к взрослым собакам, *to mew* обозначает также мяуканье котят:

- (15) *She said a kitten was mewling at her and following her.*
 ‘Она сказала, что котенок **мяукал** ей и шел следом’.
- (16) *The kitten was mewling for its mom.*
 ‘Котенок **искал** (букв. «мяукал») маму’.

To mew употребляется в составе разных конструкций. Как и глагол *to bark*, *to mew* сочетается с пространственным предлогом *around*, совмещая звуковое значение с семантикой хаотичного движения субъекта, а с помощью предлога *at* при нем может быть выражен адресат, ср. (15).

Достаточно частотной является конструкция, в которой дополнение при *mew* вводится посредством предлога *for*, как в примере (16). Конструкция ГЛАГОЛ + FOR + СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, где существительное выражает цель действия, достаточно частотна в английском языке (ср. *to ask for smth* ‘просить о чем-л.’, *to demand for smth* ‘требовать чего-л.’, *to search for smth* ‘искать что-л.’ и под.). Соответственно, в сочетании с лексемой *to mew* предлог *for* вводит цель, ради которой кошка издает звук. Такая конструкция допускает и другие глаголы со значением звука, однако для *to bark* она не характерна: в большинстве рассмотренных нами употреблений *for* имеет временное значение⁵.

В переносном значении *to mew* употребляется по отношению к человеку и обозначает ‘говорить тихо и невнятно’:

- (17) *The Apple sales person was mewling about it not being to his taste. (mew + about + Clause)*
 ‘Продавец что-то **бормотал** (букв. «мяукал») о том, что ему это не нравилось’.

Довольное кошачье мурлыканье передается в английском языке глаголом *to purr* ‘мурлыкать’:

- (18) *The cat was purring contentedly on my lap.*
 ‘Кошка довольно **мурлыкала** у меня на коленях’.

В переносных значениях *to purr* может относиться как к людям, так и к артефактам, причем в обоих случаях важно, что описываемый звук приятен или по крайней мере не раздражает ухо. В сочетании с субъектом-человеком *to purr* означает ‘говорить тихим, мягким голосом’:

- (19) *The way she was purring in his ear was more than he could handle.*
 ‘Он становился совершенно безоружным, когда она тихо **мурлыкала** о чем-то ему на ухо’.

⁴ Другой глагол со значением ‘мяукать’ — *to meow* — употребляется реже и не дает метафорических переносов.

⁵ Ср. *The dog was barking for two hours* ‘Собака лаяла на протяжении двух часов’.

Основой для метафорического переноса в данном случае является, скорее, не акустическое сходство (хотя таковое тоже наблюдается: применительно и к прямому, и к данному переносному значению речь идет о тихом, нерезком звуке), а соотнесение эмоциональных состояний субъектов. Как кошка мурлычет только от удовольствия, так и человек, описываемый соответствующим словом, очевидно, находится в состоянии удовлетворения.

Применительно к артефактам *to purr* обозначает тихий звук мотора (в этом случае в основе перехода лежит уже именно акустическое сходство), ср. (20), а также — метонимически — гул машин вдалеке, ср. (21). В обоих случаях речь идет о мягком звуке, который не раздражает человека. Для громкого шума, издаваемого мотором, используется глагол *to roar* (см. раздел 3.1).

(20) *Roger turns on the ignition and the engine purrs to life, all his doubts vanish.*

‘Роджер включает зажигание и мотор **оживает** (букв. «мурлычет к жизни»), все его сомнения улетучиваются’.

(21) *The cars were purring along the highway.*

‘Машины тихо **гудели** (букв. «мурлыкали») по шоссе’.

Выражая состояние дискомфорта, кошка либо агрессивно шипит (*to hiss*), либо кричит / воет (*to yowl*). О шипении мы поговорим позже, в связи со змеями (см. 3.2). Что же касается громкого протяжного кошачьего крика, то глагол с такой семантикой (*to yowl*) кажется нам редким и специфическим для английского языка. Заметим, что по отношению к другим животным он практически не употребляется.

(22) *Unspayed female cats in heat will yowl to attract a mate.*

‘Непрооперированные кошки во время течки громко **кричат**, чтобы привлечь самца’.

Глагол *to yowl* развивает только одно переносное значение в область человеческих реакций — ‘громко кричать / выть от боли’:

(23) *Matt was yowling in pain.*

‘Мэт **вопил** от боли’.

2.3. Домашний скот

Достаточно большим количеством лексем выражаются и звуки домашнего скота. Для описания мычания взрослых коров и быков в английском языке есть три глагола: *to low*, *to moo* ‘мычать’ и обозначающий более сильный и агрессивный звук *to bellow* ‘реветь’.

To low и его звукоподражательный эквивалент *to moo* задают обычное мычание и могут употребляться применительно как к корове, так и к быку. Глагол *to bellow* чаще обозначает громкий рев быка, но если корова издает слишком интенсивный звук, то он тоже описывается этим словом:

(24) *The cow bellowed for the calf.*

‘Корова **позвала** (букв. «громко промычала») теленка’.

Как и в случае с лексемами, обозначающими собачий лай (*to bark* и *to woof*), *to low* и *to moo* в прямом значении описывают один и тот же звук, но по-разному проявляют себя, когда речь идет о переносных значениях. В рамках нашего проекта мы неоднократно наблюдали, что семантические сдвиги в большей степени характерны для тех глаголов, которые утратили связь со своим идеофонным источником. На этом фоне нетипичным кажется то, что глагол *to low*, не будучи звукоподражательным, не дает метафор, тогда как его идеофонный эквивалент *to moo* имеет вполне характерное для зоометафор производное значение: он употребляется в значении ‘мямливать’.

- (25) *The tearful wife who was always mooing about how much she loved him... (moo + about + Clause)*
 ‘Убитая горем жена, которая постоянно мямлила, как сильно она его любит...’

Кроме того, как существительное *moo* употребляется в значении ‘женщина, которая слишком печется о своих детях (делая много ненужных вещей)’:

- (26) *Mrs. Andrews is such a moo. She is completely obsessed with children ...*
 ‘Миссис Эндрюс такая **наседка** (букв. «му»). Она полностью поглощена своими детьми...’

Глагол *to bellow*, обозначая в прямом значении громкий агрессивный звук, в переносном характеризует злобный крик человека, а также сильный шум ветра или бури:

- (27) *He bellowed that he would fight any man at the bar. (bellow + that + Clause)*
 ‘Он **орал**, что мог бы победить любого в этом баре’.
- (28) *The tempest bellowed outside.*
 ‘Снаружи **ревела** буря’.

Тремя предикатами передается в английском языке и лошадиное ржание — *to neigh* ‘ржать’, *to nicker* ‘ржать тихо’ и *to whinny* ‘ржать от возбуждения’:

- (29) *The horses neighed when the rider came into the barn.*
 ‘Лошади **заржали**, когда в стойло вошел всадник’.

Эти три глагола развивают типологически стандартную метафору в зону человеческого смеха и обозначают, соответственно, ‘громкий смех’ (*neigh*) и ‘тихий смех / хихиканье’ (*nicker, whinny*), ср. (30), (31) и (32):

- (30) *He laughed gently — not that snorting neigh, but a real, genuine laugh of amusement.*
 ‘Он тихо засмеялся — это было не фыркающее **ржание**, а настоящий радостный смех’.
- (31) *Some of them nickered curiously.*
 ‘Некоторые любопытно **захихикали**’.
- (32) *He was whinnying at himself in the mirror! (whinny + at + Obj)*
 ‘Он **хихикал** над своим отражением в зеркале!’

To whinny применительно к человеку, кроме того, имеет значение ‘издавать резкий звук от эмоционального возбуждения’:

(33) *And here she was, **whinnying**, and coming over to me.*

‘И вот она тихо **вскрикнула** и подошла ко мне’.

Звук, характерный для баранов, овец, козлов и коз, передается одним глаголом *to bleat* ‘блеять’:

(34) *The goat **was bleating** softly...*

‘Козел тихо **блеял**...’

Такое объединение не является уникальным и наблюдается также в финском, французском, валлийском, русском и других языках. В то же время *to bleat* обозначает еще и мычание теленка, что, как кажется, является специфической особенностью английского языка⁶:

(35) *We heard a new calf **bleating** incessantly.*

‘Было слышно, как непрерывно **мычал** (букв. «блеял») теленок’.

Этот глагол имеет три переносных употребления. С субъектом-человеком он может обозначать ‘говорить глупости’ или ‘жаловаться’, а по отношению к артефактам — ‘издавать высокий вибрирующий звук’ — о приборах и механизмах:

(36) *He **is always bleating** about working overtime. (bleat + about + Obj)*

‘Он вечно **жалуется** (букв. «блеет»), что его заставляют работать сверхурочно’.

(37) *They heard the **bleat** of a cell phone.*

‘Они услышали, как **пищал** (букв. «блеял») телефон’.

Последнее домашнее животное, которое мы рассмотрим в этом разделе, — свинья. Звук, который она издает, выражается одной лексемой — *to grunt*:

(38) *An enormous pig **grunted** and shuffled in a sty outside.*

‘Огромная свинья **захрюкала** и зашуршала в стойле на улице’.

Этим же словом описывается фыркающий звук, который производят верблюды и ежи:

(39) *Two hedgehogs put in together; one will often **grunt** a lot to show who's boss ...*

‘Если посадить вместе двух ежей, один **зафыркает**, чтобы показать, кто тут босс’.

Метафорически *to grunt* употребляется только по отношению к человеку — но зато сразу в двух ситуациях: во-первых, для обозначения отрывки (а также срыгивания младенцев), а во-вторых, как глагол речи в значении ‘ворчать’:

⁶ Заметим, правда, что объединение коз и овец с коровами в нашем материале встречалось неоднократно, ср., например, валлийский глагол *brefu* или эрзянский *params*.

- (40) *This ... **grunting** is actually just an overreaction to a normal intestinal reflex called the gastro-colic reflex.*
 ‘Эта ... **отрыжка** — всего лишь излишняя реакция на нормальный кишечный рефлекс, называемый желудочно-ободочным рефлексом’.
- (41) *He **grunted** his answer. (grunt + D.Obj)*
 ‘Он недовольно ответил’.

3. Дикие животные: хищники и мелкие животные

3.1. Львы, тигры, волки

Звуки, которые издают львы и тигры, в английском языке описываются одними и теми же лексемами. Для обозначения рычания этих животных используется глагол **to growl**, а в случаях, когда этот звук особенно громкий и агрессивный, — глагол **to roar**. И та и другая лексемы используются также для обозначения звуков не-хищников: рычания собак и хрипа лошадей или быков:

- (42) *The lion **growled** / **roared** and showed its claws.*
 ‘Лев **зарычал** и показал свои когти’.
- (43) *The horse **was growling** / **roaring**, he was so mad, he was tearing around the paddock bucking and kicking.*
 ‘Конь **ревел**, он был зол и метался по загону, вставал на дыбы и брыкался’.

Зато в области переносных значений эти глаголы ведут себя неодинаково — и не случайно. Меньшая интенсивность звука, обозначаемого **to growl**, дает этому глаголу основание для развития двух значений: первое относится к области физиологических ощущений человека — это урчание в животе, второе же сочетает невысокую громкость звука с негативными коннотациями, которыми обладает этот глагол (ср. рычание как агрессивная реакция животного). Эта комбинация смыслов порождает идею недовольного ворчания:

- (44) *My stomach's **been growling** all morning.*
 ‘У меня живот **урчал** (букв. «рычал») все утро’.
- (45) *He's always **growling about** the government. (growl + about + Obj)*
 ‘Он вечно **ворчит** (букв. «рычит») на правительство’.

В свою очередь, глагол **to roar**, описывающий более громкий звук, может передавать оглушительный шум речного потока:

- (46) *When I looked up, the river **was roaring**, the decibel level of the water was deafening.*
 ‘Когда я посмотрел наверх, река **ревела**, и сила этого звука была оглушительной’.

Оба глагола могут быть употреблены со множественным субъектом — в этом случае они обозначают шум толпы, причем как неодобрительный, так и дружелюбный. Одно

Научное издание

**Глаголы звуков животных:
типология метафор**

Редакторы

Т. И. Резникова, А. С. Выренкова, Б. В. Орехов, Д. А. Рыжова

Составитель

Е. В. Рахилина

Художественное оформление обложки

Надя Плунгян

Верстка

С. С. Белоусов

Подписано в печать 21.12.2015 Формат 70×100 1/16

Бумага офсетная № 1 Гарнитура Таймс

Усл. п. л. 32,25 Тираж 550 экз. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры»

№ госрегистрации 1037739918449

Phone: +7 495 624-35-92 E-mail: lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис»

Тел. +7 499 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.)

Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4